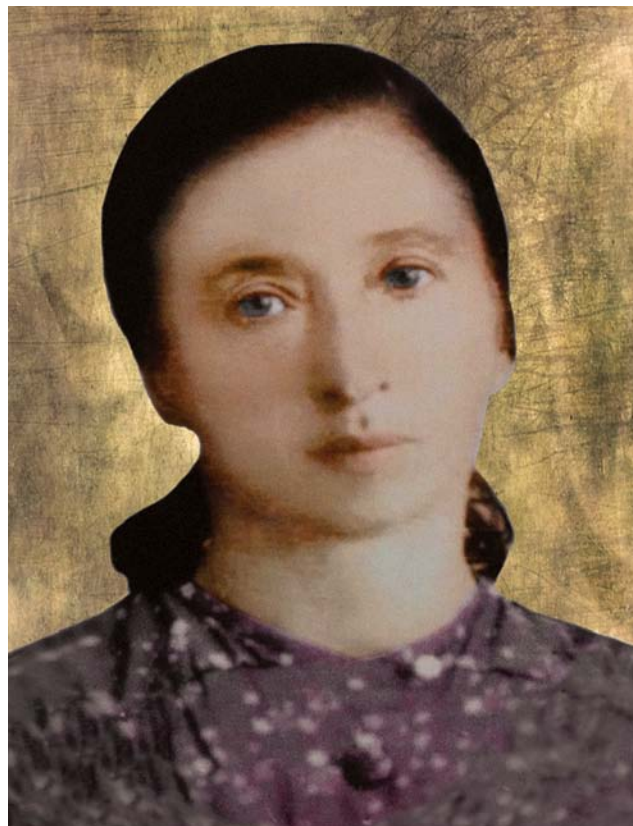

75
ПОБЕДА!
1945–2020

СВЯТАЯ, ЗЕМНАЯ...

текст Иосиф Брумин

День Победы в нашем Отечестве – всенародный праздник. В моей семье, как и во многих других, это главный праздник в году. Праздник спасения и сохранения жизни, моей и нашей. И он, естественно, стал днём поминания участников войны и тех, кому выпало жить и работать в тылу измученной страны. У нас давно сложился и передаётся детям и внукам ритуал: 9 мая после торжественного митинга и шествия к памятнику погибшим на войне мы посещаем могилу родителей. Тюльпаны сорта «парад» с точностью до дня выдают своё цветение, и в этом редкое уважительное единообразие. Однако, кроме поминального посещения погоста, накануне обязательно проводится санитарно-технический послезимний уход.

В текущем году сын предложил установить на памятник фотографии моих родителей, его деда и бабушки. На светло-сером камне с их именами вверху – пятиконечная звезда, ниже молот, а вместо серпа в перекрестье – винтовка. Отец, рабочий-кузнец и участник Гражданской и Великой Отечественной войн, откуда вернулся инвалидом, мог бы одобрить такой символ. Молот и винтовка были главные в его жизни инструменты.

Из двух десятков отобранных мной фотографий сын выбрал те, где родители ещё в среднем возрасте, и по ним заказал портреты на памятник. Современная технология изготовления подобных портретов позволяет не только менять их размер, но и улучшать контрастность старых, затёртых временем чёрно-белых фотографий, даёт умеренную и точную цветопередачу. И весь портрет, в форме эллипса, покрыт эмалью, надёжно защищающей его от влаги. Невзирая на печаль самого повода, снимки радовали взгляд.

Когда я неспешно сверлил камень, ставил дюбеля и прикреплял портреты, меня вдруг встревожило мамино лицо – какой-то неосознанной новизной, смутно ощутимой параллелью. Сын выбрал для памятника её крохотную фотографию на паспорт, где на обороте указано – 1942. Страшный сорок второй... Маме 38 лет, и она только вернулась из больницы со страшным названием «тифозный барак», где излечение было редкостью. Её ещё качало от слабости, и на моей памяти она впервые болела. Отец на войне, на Калининском фронте, где-то под Ржевом. Чёрный картонный репродуктор сообщает о наступлении наших войск на этом участке. От отца дав-

но уже нет ни строчки. Мамины родители и брат с семьёй остались в оккупации, и почти нет сомнений в их горькой судьбе. Младший мой брат болеет, и мама уже второй год откладывает его учёбу в первом классе. Я, голодный оборванец, почти забросил школу. У нас с ней взаимная неприязнь, да что там, ненависть: к учителям, ученикам и даже уборщицам... Я жду, когда исполнится четырнадцать лет, и меня смогут принять на работу. Мы в горькой эвакуации в маленьком городке Оренбуржья снимаем угол в доме, где кроме хозяйки с тремя детьми (младший – мой ровесник), живут ещё две цыганские семьи. Антисанитария и почти недоступность плиты, чтобы сварить хотя бы картошку в мундире. И вот посреди всего этого кошмара – фотография на паспорт. Какое может быть в такой беде выражение лица женщины – матери, дочери и жены?.. По какой-то наследственной привычке, доставшейся генетически и мне, мама склоняет голову вправо. И вот эта боль в лице и страдальческий наклон головы вызвали в памяти что-то едва уловимое, но трогательное и близкое...

Я вернулся домой, снял с полки фолиант «Шедевры русской живописи» и на четвёртой странице обнаружил икону «Богоматерь Владимирская», 12 век с лицом моей мамы. Через несколько страниц повтор этой иконы кисти Феофана Грека, 14 век, с названием «Богоматерь Донская». Автор чуть изменил рисунок лица, так сказать, усугубил национальную принадлежность. В композиции «Древо государства Московского» Симона Ушакова, 1668 год, в центре – вновь икона «Богоматерь Владимирская», но в более светлых тонах. Все иконы композиционно едины. И везде Богоматерь склоняет голову вправо, к ребёнку, будущему Царю Иудейскому и Богу. (Хорошо бы сейчас иными глазами разглядеть их в Третьяковской галерее. Жаль, когда-то прошёл и не заметил...) Вероятно, в те непроглядно далёкие времена иконописцы воспринимали Евангелие буквально и лики святых писали с реальных еврейских лиц. Евангелие – святой документ редкой национальной чистоты.

Что говорить о чувствах после такого открытия?

Позже, вышагивая по пустым аллеям заброшенного парка или меряя шагами комнаты (старая привычка усмирять волнение), я осознал справедливость, что половина мира, всё христианство, поклоняется лику еврейской женщины. Не было и нет на земле большей страдальцы. И все виды творений всех видов искусств не могут передать всю полноту пережитого ими. И нет таких слов и молитв, которые могли бы искупить грех вселенского человеческого варварства, извергнутого на еврейский народ и, прежде всего, на евреек.

Мама! Милая мама... Ты видела и знала, что, повзрослев, я испустил перед тобой своё мальчишеское упрямство, удвоив, утроив его, с любовью и чувством вины, но в обратном пути. После пятилетней службы на военно-морском флоте наскоро, за полтора года, осилил три класса средней школы, потом вуз и в 32 года стал инженером-механиком, потом – аспирантуру. Педагогика вуза стала моим призванием, смыслом жизни.

Накануне 70-летия гибели моих бабушки и дедушки в маленьком белорусском селе, где полицаи 21 июля 1941 года сожгли их вместе с домом, я надумал помянуть моих верующих пращуров в синагоге. Я был уверен, что никто из родственников этим не озаботился. А мой комсомольский атеизм не помешает исполнить простой человеческий долг. Дед прошёл пятилетнюю солдатскую службу при императоре Александре III. В колхоз он пришёл вместе со своими машинами волночёрсками (для обработки шерсти), они стояли в доме, превратив его в технологический цех колхоза. Бабушка числилась на селе мудрейшей советчицей. Она не отказывала своим участием в жизни сельчан всех национальностей. Фактически она заменила священнослужителей трёх уничтоженных в том местечке конфессий. При первом моем посещении храма и знакомстве с Самарским Раввином Шломо я предупредил его о своем атеизме. Он выслушал меня и заметил, что подобное моё заверение напрасно, просто я сам ещё не знаю о мере и содержании своей веры....

Может, прав Шломо?

Может...

ПОСТСКРИПТУМ

Есть у моих товарищей-танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
«Помилуй, пронеси и сохрани».

Стыдся друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
«Помилуй, сохрани и пронеси!».

Иона Деген (04.06.1925 – 28.04.2017) – 19-летний командир танкового взвода, лейтенант, лично уничтоживший 16 немецких танков, смертельно раненый и спасённый американским пенициллином, поэт, врач-ортопед, первый в Советском Союзе вернувшийся оторванную руку колхозному трактористу.

К 100-летию родного вуза – Самарского аграрного университета (1919 – 2019) я издал книгу с загадочным названием «Волжская защепка». В ней нашлось место для эссе «Святая, земная». О страданиях моей мамы в годы войны и вселенских муках еврейских женщин в истории мира.

Презентация книги состоялась в центральной библиотеке города и была сотворена воспитательно и сердечно. Этим я обязан прекрасному литератору Марине Тереховой, человеку и специалисту редкой доброты и внимания. Она фактически издатель моей книги. В душе я скрыто ликовал: таких презентаций ни своих, ни других авторов я не видел. Но вершиной моего восторга оказалось выступление Зинаиды Николаевны. До этого мы были едва знакомы в составе библиотечного объединения любителей поэзии «Вдохновение». В числе прочего она сказала, что на неё произвело большое воздействие эссе «Святая, земная». И это подвигло её вышить бисером картину с изображением Богоматери Марии с малышом на руках. Она подарила её мне, комсомольцу и номинанту 100-летия ВЛКСМ Самарской области (2018 год). При этом она деликатно уточнила, чтобы я воспринимал подарок именно как картину, то есть как художественное произведение. Я был потрясён талантом, трудолюбием и добротой Зинаиды Николаевны. И воспринял дар как высочайшую ценность, из всех, что выпадали мне в редких случаях во всей прожитой жизни.

Картину, без сомнений, разместил на самом почётном месте моего жилья. Оно стало местом моего безбожного поклонения. Но ещё больше удивился сам себе, когда разглядел, что рядом с Богоматерью и ребёнком оказался наш с внуком фотопортрет, такого же формата. Отметая всякую иронию, я эту случайность воспринял как закономерность: через две тысячи лет изображение Девы Марии с сыном и Иосифа с внуком встретились и поселились рядом.

Так подтвердилась правота Раввина Шломо...